

Маленькие хитрости нападающего

Тао Цю, немного подумав, всё же решил сказать правду:

— Да, плохие дяди обидели папу.

— Цю! — Эрбао отреагировала яростнее всех. — Цю-цю! Цю-цю? Цю-цю!

«Что?! Какие-то негодяи посмели обидеть папу?! Где они? Я их сейчас же забью до смерти!»

Дабао и Саньбао тоже посмотрели на Тао Цю с непоколебимой решимостью, всем своим видом говоря: «Только начни бой, мы поддержим».

Тао Цю был тронут и одновременно умилен своими птенцами. Он погладил их по пушистым головкам.

— Плохих дядей уже нет, их не найти. Вам достаточно просто поругать их за папу.

— Цю-цю? — не поняла Саньбао.

«Плохие дяди умерли?»

— Возможно, — ответил Тао Цю. — В любом случае, мы их больше никогда не увидим.

Он не был уверен, находится ли он на той же самой Земле, в том же мире, но это уже не имело значения. Даже если и так, прошло столько лет, что его родители давно умерли.

— Цю, — разочарованно прочирикала Эрбао, не сумев отомстить за отца, но в её голосе звучала злость. — Цю-цю-цю!

«Ну ладно. Тогда я проклиная этих негодяев, чтобы они до конца жизни не ели ничего вкусного!»

— Цю-цю-цю! — подхватила Саньбао.

«А я проклиная их, чтобы они три дня не могли сходить в туалет!»

— Цю-цю-цю, — заключил Дабао.

«Проклинаю их, чтобы им было в сто раз больнее, чем папе».

Людей уже не было, и проклятий птенцов они не услышат. В этом не было практического смысла, но для Тао Цю эти слова стали лучшим лекарством для его душевных ран.

Его родители всю жизнь гнались за репутацией. В молодости поженились, потому что все вокруг говорили, как они подходят друг другу. После свадьбы, потеряв чувства, они боялись сплетен и предпочитали мучить друг друга изменами, но не разводиться. Чтобы играть в счастливую семью, они, ненавидя его по принципу «яблоко от яблони», постоянно заставляли его фотографироваться для соцсетей.

Он специально уехал учиться как можно дальше от дома, но они без спроса вломились в его комнату, перерыли его вещи и, найдя дневник, где он писал, что ему нравятся мужчины, обманом заманили его домой.

Они требовали, чтобы он отрёкся от своих слов, сказал, что всё написанное — ложь. Они не могли смириться с тем, что их сын — гомосексуалист, ведь это навлекло бы на них осуждение окружающих.

Он отказался. Он больше не хотел жить в этой фальшивой идиллии.

Тогда они в ярости набросились на него с обвинениями, которые вскоре переросли во взаимные упрёки. Каждый винил другого в том, что тот был плохим мужем или женой, и именно поэтому их сын стал бояться гетеросексуальных отношений и увлёкся мужчинами.

Накопленные за годы противоречия взорвались в один миг.

Ссора переросла в драку. Увидев, что дело идёт к крови, Тао Цю не выдержал и бросился их разнимать.

В суматохе толчков и борьбы кто-то — отец, мать или они оба — с силой отпихнул его.

Он упал и ударился о тяжёлый стол из цельного дерева.

За секунду до того, как он потерял сознание, он всё ещё слышал их истошные крики. Это означало, что после его падения они даже не взглянули в его сторону.

Они были его семьёй по крови, но врагами по духу.

Он был несчастен, но в то же время ему повезло.

В прошлой жизни у него были дедушка и бабушка, которые восполнили недостаток родительской любви. В этой жизни у него были птенцы, которые любили и оберегали его.

Он не утратил способности любить и, благодаря тем, кто его любил, сам получал любовь.

Слёзы снова покатались по щекам Тао Цю, но на этот раз уголки его губ были приподняты.

— Цю-цю, цю-цю, — нежным голоском утешала его Саньбао.

«Папочка, не плачь, Юаньюань тебя обнимет».

Сказав это, Саньбао изо всех сил расправила крылышки, пытаясь обхватить его за талию, но безуспешно.

Дабао и Эрбао тоже подлетели к нему и стали ласково тереться, выражая свою поддержку. Они появились из папиного живота, и, прижимаясь к нему, они прижимались к его сердцу.

Тао Цю обнял их, как тогда, когда они ещё были яичками и мирно спали у него под животом.

— На этот раз папа плачет от умиления, это слёзы счастья. Я чувствую вашу любовь, и на сердце у меня слаще и теплее, чем от самых вкусных ягод.

— Цю? — Эрбао подняла голову, заглядывая ему в глаза.

«Правда?»

— Конечно, правда, — улыбнулся Тао Цю.

Эрбао тоже улыбнулась, и в её зелёных глазках отразилось его лицо.

— Цю-цю-цю!

«Тогда мы будем папиными ягодками!»

— Хорошо, — согласился Тао Цю. — Вы будете моими ягодками, а я буду вашими.

Саньбао прижала крылышко к груди и восторженно прочирикала:

— Цю, цю-цю!

«Папа, у меня в груди тоже стало тепло-тепло!»

Дабао и Эрбао повторили её жест и слова.

Тао Цю не стал выяснять, правда это или нет, а просто счастливо обнял их.

— Тогда мы все стали тёплыми и сладкими. Теперь нам не страшны ни холод, ни горести.

— Цю-цю.

«Не страшны».

Птенцы прижались к нему ещё крепче. Тао Цю не стал отправлять их обратно на камень, а, успокоившись, отложил рюкзак в сторону и, взяв мешочек, продолжил разбирать его содержимое.

На этот раз он достал пакет с сахаром.

Это были не магазинные конфеты с кучей добавок, а прозрачные, неправильной формы кристаллики, пахнувшие чистой сладостью — колотый сахар.

В диких условиях вяленое мясо и сахар были удобными и быстрыми источниками энергии. Неудивительно, что мужчина брал их с собой на задания.

Пакет был уже вскрыт, сахара оставалось больше половины.

Эрбао была главной сладкоежкой. Запах, исходивший от пакета, был чище, чем у самых сладких ягод, которые ей доводилось пробовать.

— Цю, цю-цю-цю?

«Папа, почему эти красивые камушки так сладко пахнут?»

Эрбао впервые видела такие красивые камни, они были куда интереснее тех, что она собирала раньше.

— Нет, это не камни. Это еда, называется сахар. Он слаще, чем все ягоды вместе взятые. Попробуйте.

Кристаллики были маленькими. Тао Цю достал четыре штуки и дал по одному себе и птенцам.

Он немного подержал свой во рту, но потом, не желая ждать, пока он растает, раскусил его. Теперь даже его дыхание стало сладким.

Птенцы последовали его примеру.

— Цю!

Эрбао и Саньбао одновременно прижали крылышки к щёчкам. Впервые попробовав что-то настолько сладкое, они почувствовали, как у них закружилась голова.

Дабао же прищурился, быстро разжевал и проглотил сахар, но тут же почувствовал, как сладость неприятно застряла в горле. Он поспешно подлетел к каменному столу, чтобы попить воды.

Тао Цю наблюдал, как Дабао чуть ли не засунул голову в бамбуковую чашку. Когда тот наконец напился и пришёл в себя, он спросил:

— Не понравилось?

Дабао встряхнул головой, разбрызгивая капли воды.

— Цю-цю, цю-цю, цю-цю-цю.

«Сахар слишком сладкий, я чуть не задохнулся. Мне больше нравится лёгкая сладость ягод».

— Не нравится — не ешь, — улыбнулся Тао Цю. — Это не то, без чего нельзя прожить.

Эрбао, оправившись от сладкого шока, услышала их разговор и заметно обрадовалась.

— Цю-цю, цю-цю-цю?

«Братик не будет есть, можно нам его сахар?»

Саньбао тоже была рада.

— Цю-цю-цю, цю-цю-цю.

«Мы отдадим братику наши ягоды, а он нам — свой сахар».

— Цю, — согласилась Эрбао. — Цю-цю, цю-цю-цю.

«Раз братику не нравится сахар, пусть ест больше ягод».

Дабао кивнул. Все остались довольны.

После двух таких вкусных находок птенцы с ещё большим нетерпением ждали, что же окажется в мешочке дальше.

Им очень нравились человеческие вещи!

Последним предметом в мешочке оказался пакет с солью.

Пакетик был размером с половину его человеческой ладони, а внутри — мелкая, белоснежная соль.

За все годы жизни в дикой природе Тао Цю не находил поблизости соляных месторождений. Единственным источником соли для него была кровь и плоть добычи.

Он с ностальгией вспомнил свою прошлую жизнь, когда в любой момент мог насладиться вкусом различных приправ.

Мужчина и его команда были отлично подготовлены к вылазкам.

Эрбао приблизилась и принялась. Запах был странным.

— Цю-цю?

«Это тоже еда?»

— Это называется соль, — объяснил Тао Цю. — Это приправа. В еде, которую мы обычно едим, тоже есть соль, но её мало. В вяленом мясе, которое вы только что пробовали, тоже есть соль. Чувствуете, какой у него насыщенный вкус по сравнению с обычным мясом?

Саньбао кивнула.

— Цю, цю.

«Ароматное, вкусное».

— Рад, что вам понравилось, — сказал Тао Цю. — Значит, его старания не прошли даром. Теперь мы сможем солить мясо перед едой.

Эрбао пришла в восторг.

— Цю-цю!

«Наше мяско тоже станет ароматным!»

— С одной только солью вкус, конечно, будет не как у вяленого, но точно лучше, чем обычно.

Услышав это, птенцы обрадовались ещё больше. Даже Дабао, которому тоже понравилось ароматное и жёсткое вяленое мясо.

Рассказав о соли, Тао Цю хотел убрать её обратно в мешочек и приняться за рюкзак, но тут к нему подлетела Эрбао и с любопытством спросила:

— Цю-цю?

«А соль попробовать нельзя?»

— Соль слишком солёная, это не сахар. Сама по себе она невкусная.

Но птенцы были слишком любопытны. Эрбао принялась ласково канючить:

— Цю-цю-цю, цю-цю.

«Папочка, дай попробовать, ну пожалуйста, совсем капельку».

Дабао и Саньбао тоже уставились на него своими блестящими глазками-бусинками.

Раз они так настаивали, как Тао Цю мог отказать?

Он со смехом вздохнул.

— Ладно, все дети должны через это пройти.

Стремление к исследованиям — это хорошо, хоть иногда и приводит к шишкам.

Тао Цю чувствовал себя опытным игроком, с ехидным удовольствием наблюдающим, как новичок наступает на грабли. Отцовские чувства на время отошли на второй план.

Но в глубине души он всё же был мягок. Он насыпал в их широко раскрытые клювики лишь по щепотке соли и, пока они пробовали, предусмотрительно придвинул бамбуковую чашку с водой.

Три... два...

— Цю-цю!!

«Как невкусно!!»

Не прошло и секунды, как птенцы хором завопили.

Они отчаянно пытались выплюнуть соль, но едкий вкус застрял в горле, заставляя их трести головами.

— Ха-ха-ха! — без зазрения совести расхохотался Тао Цю.

Несчастные птенцы были такими милыми.

— Цю! Цю!

«Папа! Спаси!»

Эрбао бросилась к нему и нырнула головой прямо в чашку с водой, надолго затаив там дыхание.

Дабао и Саньбао последовали её примеру, жадно хлебая воду. Их маленькие крылышки дрожали, вид у них был самый жалкий.

— Не слушались папу, вот и получили, — злорадствовал Тао Цю.

Когда птенцы утолили жажду, в чашке, которая была наполнена наполовину, не осталось ни капли. Настоящие птицы-губки.

Трио с раздувшимися от воды животиками уселось к нему на колени и дружно икнуло.

— Цю-цю... — всё ещё не придя в себя, пролепетала Эрбао.

«Соль — это страшно...»

— А вот тут я за соль заступлюсь, — улыбаясь, сказал Тао Цю, поглаживая её по животику. — Это приправа, её не едят просто так. Ты сама захотела попробовать, так почему теперь соль виновата?

— Цю... — захныкала Эрбао и, обняв его палец, принялась ластиться. — Цю-цю-цю...

«У-у-у... папа любит соль, а не меня...»

— Ну что ты такое говоришь, — снова рассмеялся Тао Цю. — Если я люблю соль, а не тебя, может, мне вместо соли съесть тебя?

— Цю-цю, цю-цю-цю-цю, — не унималась обиженная Эрбао.

«Тогда съешь меня, папочка. Без твоей любви я не хочу жить».

— Ну что за преувеличения из-за щепотки соли, — с весёлым отчаянием сказал Тао Цю. — Просто хочешь, чтобы папа тебя пожалел, да?

— Цю, — смущённо опустила голову Эрбао. — Цю-цю.

«Хи-хи, папа меня раскусил».

— Ах ты, плутовка, — Тао Цю шутливо ущипнул её за щёчку.

Но раз уж птенцы получили свой урок, почему бы отцу их не утешить?

— Ай-ай-ай, мои бедные детки, как же вас соль обидела. Ну-ка, дайте папа вас поцелует, и всё пройдёт.

С этими словами он поцеловал каждого в макушку.

Это сработало. Птенцы снова заулыбались и нежно прочирикали, что папа у них самый лучший.

Тао Цю нарезал им грушу, чтобы перебить солёный вкус и окончательно их утешить.

Сжимая в клювиках кусочки груши, птенцы, слишком сытые, чтобы двигаться, устроились у него на коленях и стали наблюдать, как он достаёт из рюкзака следующие вещи.

Это была книга толщиной в полпальца, с обложкой светло-зелёного цвета, символизирующего надежду. На ней было напечатано несколько строк.

Сборник «Новый лист» (сводное издание за 1-6 месяцы)

Издательство Литературного общества базы Юнъань

Главный редактор: Яо Луоцзюе

Текст был написан знакомыми ему упрощёнными иероглифами. Даже если этот мир Пустошей не был будущим его родной Земли, он, скорее всего, был его параллельной версией.

Тао Цю на несколько секунд замер в раздумьях. Трое птенцов тоже с любопытством разглядывали этот квадратный предмет.

— Цю-цю? — первым подал голос Дабао.

«Это и есть книга?»

— Мо, ты догадался? — с удивлением спросил Тао Цю, очнувшись.

Дабао кивнул.

— Цю-цю, цю-цю.

«Эти чёрные значки на ней напечатаны тушью, как в моём имени».

Когда Тао Цю давал им имена, он объяснил, для чего нужна тушь. Иногда он машинально чертил что-то на земле, и среди этих рисунков были и те, что птенцам казались просто набором линий. Когда они спрашивали, что это, он отвечал, что это называется «иероглифы».

Он редко писал, но у Дабао была хорошая память, и он запомнил их с первого раза.

Тао Цю провёл пальцами по странице. Это было похоже на встречу со старым другом после долгой разлуки. Нереальное, почти потустороннее чувство.

— Да, это книга. Та самая, которую носят в «шубао» — школьном рюкзаке.

Услышав разговор отца и брата, Эрбао и Саньбао тоже решили высказаться.

— Цю-цю-цю, — сказала Эрбао.

«Цвет у книги как у папиных глаз».

— Цю-цю, цю-цю, — добавила Саньбао.

«А тушь чёрная, как пёрышки у братика».

— Какие же вы у меня умные, всё замечаете, — улыбнулся Тао Цю.

— Цю-цю? — спросил Дабао.

«А что в этой книге написано?»

Эрбао и Саньбао тоже стало любопытно.

— Цю-цю? — спросила Эрбао.

«Там те же истории, что папа нам рассказывал?»

— Думаю, нет, — сказал Тао Цю, бегло пролистывая книгу. Птенцы, хоть и не умели читать, смотрели с не меньшим интересом.

Закончив, он сказал:

— Здесь в основном эссе и стихи, но есть и несколько коротких рассказов. Если хотите, я вам потом читаю.

— Цю!

«Да!»

Раньше птенцы слышали от отца лишь о существовании людей и представляли их кем-то вроде Зелёной змеи. Сегодня они впервые соприкоснулись с чем-то, что было сделано людьми.

Человеческие вещи были такими необычными, а ещё и вкусными!

Интерес птенцов к людям вспыхнул с новой силой. Узнав, что в книге написаны человеческие истории, они захотели узнать, каков он, мир людей.

Но чтение можно было отложить.

Последним видимым предметом в рюкзаке был комплект одежды.

Одежда была плотной и занимала почти всё оставшееся место.

Коричневые куртка и штаны простого покроя, с подкладкой из искусственного меха. В такой одежде можно было не бояться холодов ранней зимы, а если надеть под неё тёплое бельё, то и всю зиму пережить.

Тао Цю поднёс куртку к лицу и вдохнул запах.

На ней был аромат мыла — видимо, её недавно стирали, — но сквозь него пробивался другой, знакомый ему запах.

Это была одежда того мужчины.

Теперь Тао Цю был уверен, что мужчина собрал эти вещи спонтанно.

Разве заранее подготовленный подарок был бы таким хаотичным? Скорее всего, он просто хватал в машине всё, что казалось ему полезным.

И всё это было лишь предлогом, чтобы заставить его остаться подольше.

«И как теперь не считать его милым?»

Тао Цю невольно улыбнулся.

И ведь что интересно: то ли случайно, то ли намеренно... раз уж они были на задании вместе, одежда должна была быть не только у него, но и у остальных членов команды.

Так нет же, он не просто подарил одежду, а выбрал именно свою, ношеную.

«Что за двусмысленность?»

Конечно, можно было найти и рациональное объяснение. Например, мужчина знал, что он может принимать человеческий облик, а скоро зима, и просто хотел отблагодарить за спасение

и за добычу.

Но Тао Цю не верил, что всё было так просто.

Внезапно ему показалось, что это не он силой взял то, что ему не принадлежало. Возможно, «дыня» и сама хотела, чтобы её сорвали.

Зря он так переживал. Похоже, мужчина был не только не против, но и вполне доволен.

Тао Цю снова уткнулся носом в куртку.

Интересно, о чём думал мужчина, когда клал её в рюкзак?

Думал ли он, что он будет вот так вдыхать его запах? Представлял ли, как он будет выглядеть в одежде, пропитанной его ароматом?

«Ай-яй-яй...»

Тао Цю почувствовал, как у него загорелись щёки.

Он уже почти решил провести черту и отпустить мужчину, почти закрыл дверь, а тот взял и вышиб её ногой.

Трое птенцов смотрели, как их папа, обнимая новую вещь, краснеет и глупо улыбается. Выражение его лица было им незнакомо. Неужели эта вещь ещё лучше, чем всё, что было до этого, раз папа так радуется?

Вспомнив, что папа несколько раз принюхивался к этой вещи, птенцы тоже подобрались поближе и стали вдыхать запахи.

Их было два. Один, приятный, они не знали. Другой — тот самый человеческий запах, который они уловили на рюкзаке. Но на рюкзаке пахло несколькими людьми, а на этой вещи — только одним.

— Цю-цю? — спросила Эрбао.

«Что это?»

— Кхм, — кашлянул Тао Цю, стирая с лица мечтательное выражение. — Это называется одежда. Её носят, чтобы было тепло. Она как наши перья.

Он показал им свою руку.

— Люди — такие же, как папа. У них нет ни перьев, ни шерсти, поэтому в холодное время им нужна одежда.

— Цю-цю, — сказала Саньбао.

«Одежда — это человеческие перья».

— Да, Юаньюань, ты такая умная, можно и так сказать, — Тао Цю ласково погладил её по голове. — Одежда бывает разной: тонкой и толстой, в зависимости от времени года, разных цветов и фасонов. Её можно менять по своему вкусу.

— Цю-цю, — вздохнула Саньбао.

«Какие же люди удивительные».

— Да, это так здорово! — с завистью сказала Эрбао. — Я бы тоже хотела менять цвет своих перьев.

— Если ты захочешь сменить перья на шерсть, я тебе не помогу, — сказал Тао Цю. — Но если просто поменять цвет, то это легко. Белый цвет проще всего перекрасить.

— Цю! — Эрбао так разволновалась, что чуть не подпрыгнула, но из-за полного живота тут же плюхнулась обратно.

Не обращая на это внимания, она взволнованно спросила:

— Цю-цю?

«Правда можно поменять цвет перьев?»

— Правда. Соком растений можно покрасить.

— Цю! Цю!

«Отлично! Я хочу покраситься!»

— Хорошо, потом я тебя покрашу.

— Цю-цю.

«Папа самый лучший».

Эрбао от радости принялась тереться о его руку.

Саньбао же больше интересовала одежда.

— Цю-цю?

«Это папе?»

Тао Цю кивнул, и на его лице снова появилась та самая улыбка.

— Хотя я и в человеческом облике могу отрастить перья, чтобы не мёрзнуть, но в одежде будет ещё теплее.

— Цю-цю-цю, — сказал Дабао.

«Я хочу посмотреть, как папа наденет эту одежду».

— Хорошо, я вам покажу.

Тао Цю пересадил птенцов на стол, встал и быстро надел куртку и штаны.

Он был примерно одного роста и телосложения с мужчиной, так что одежда села идеально.

Кожа, отвыкшая от ткани, ощущала лёгкий дискомфорт, но Тао Цю был счастлив.

Ему показалось, что он вернулся в прошлую жизнь, снова стал обычным человеком.

Он застегнул молнию, перекинул длинные волосы на грудь, накинул капюшон и поправил рукава.

Засунув руки в карманы, он с усмешкой посмотрел на птенцов и присвистнул.

— Ну как, хорош?

Птенцы смотрели на него, не отрывая глаз.

Они не знали поговорки «встречают по одежке», но разница была очевидна.

На фоне тёмной ткани кожа отца казалась ещё белее. Широкие плечи, узкая талия, длинные ноги — его фигура стала более очерченной.

Но и одежда на нём преобразилась. Раньше она казалась им просто бесполезным предметом, который нельзя ни съесть, ни выпить. Теперь же, на отце, она выглядела великолепно.

Да, человеческую одежду должен носить человек. Это было невероятно красиво!

Птенцы, раньше равнодушные к его человеческому облику, теперь сами захотели стать людьми и примерить одежду.

Трио дружно закивало.

— Цю! Цю-цю!

«Хорош! Ещё лучше, чем раньше!»

Тао Цю едва сдержался, чтобы не расхохотаться в голос. Чтобы сохранить образ красавца, он лишь скромно, но с нескрываемым самодовольством ответил:

— Так, ничего особенного. Всего лишь третий в мире.

Его симпатия к этой одежде была настолько очевидна, что Дабао решил, будто понял причину странного поведения отца.

— Цю-цю, цю-цю?

«Папа, ты покраснел, потому что тебе так понравилась эта одежда?»

— А? — самолюбование Тао Цю было прервано. Он смутился. Не мог же он признаться птенцам, что размышлял о мужчине.

Он сухо рассмеялся и, чтобы сохранить лицо, без колебаний соврал:

— Да, да, я покраснел, потому что мне очень понравилась эта одежда. Я так разволновался, когда её увидел.

— Цю-цю-цю, цю-цю, цю-цю, — сказала на это Саньбао.

«Папа, ты же говорил, что у людей много одежды. Если тебе нравится, можно потом ещё у них поменять».

Эти слова застали Тао Цю врасплох.

И правда. У него были мирные отношения с базой Юнъань, а мужчина знал его секрет. Если ему понадобятся человеческие вещи, он мог бы просто обменять их.

На базе часто не хватало еды, а овощи и фрукты, которые он выращивал, были, по его мнению, высшего качества даже по человеческим меркам. Обмен был бы выгоден и мужчине.

Даже если не брать в расчёт особые свойства его плодов, он был отличным охотником. Обмен одного только мяса был бы выгодной сделкой.

Тут ему в голову пришла ещё одна мысль. А что, если мужчина, даря ему эти вещи, тоже хотел наладить торговые отношения?

Но это были лишь его догадки. Возможно, у мужчины и в мыслях такого не было.

Может, при следующей встрече спросить его об этом?

— Спасибо, Юаньюань, за идею, — радостно сказал Тао Цю. — Ты права, я об этом и не подумал. Не только одежда, соль и сахар, но и всё остальное, что нам нужно, мы можем обменивать у людей, если они согласятся.

— Цю-цю, цю-цю? — спросил Дабао.

«Как с Зелёной змеей, менять на ягоды?»

— И ягоды, и мясо, думаю, людям всё это нужно. Но на что именно менять, посмотрим по ситуации.

— Цю-цю, цю, цю-цю, — с беспокойством спросил Дабао.

«А люди не будут как Зелёная змея, сначала пытаться отобрать, а потом уже меняться?»

Тао Цю говорил, что их отношения с людьми похожи на отношения с Зелёной змеей. Значит ли это, что люди поступят так же?

Беспокойство Дабао было не беспочвенным.

Тао Цю тоже об этом думал.

— Сначала я буду меняться только с одним человеком, с тем, кто подарил нам эти вещи. Я уверен, что он хороший человек и не станет у нас ничего отбирать.

А что будет дальше, раскроется ли его тайна — это дело будущего, и сейчас беспокоиться об этом было бессмысленно.

Он уже решил, что будет торговать с женщиной, чтобы улучшить жизнь себе и птенцам, и не собирался отказываться от этой идеи из-за страха.

Когда знакомить мужчину и птенцов друг с другом, Тао Цю ещё не решил. Он хотел ещё понаблюдать за женщиной.

Он мог быть хорошим партнёром, но не обязательно хорошим отцом. И что, если он не примет птенцов?

А раз он пока не собирался их знакомить, то и говорить птенцам заранее незачем. Вдруг знакомство не состоится, и они только расстроятся.

Дабао не стал сомневаться в надёжности того человека.

— Цю-цю, цю-цю.

«Хорошо, что есть кому доверять. Я верю в решение папы».

Птенцы безоговорочно верили своему отцу.

— Спасибо, Мо. Я буду осторожен и не дам себя обмануть.

Тао Цю наклонился и погладил Дабао по голове. Тот смутился, но был очень рад.

— В рюкзаке, кажется, больше ничего нет, — сказал Тао Цю, снова присаживаясь и заглядывая внутрь.

И снаружи, и внутри рюкзака были карманы. Снаружи все они были пусты.

На внутренние карманы Тао Цю особо не надеялся, думая, что мужчина положил всё на виду. Но, сунув руку внутрь, он нащупал что-то ещё.

— Ветрозащитная зажигалка? — Тао Цю провёл пальцами по серебристому матовому корпусу, большим пальцем откинул крышку и чиркнул колёсиком.

Резкий запах ударил в нос, и в его глазах отразилось фиолетово-жёлтое пламя.

Вот он, последний подарок.

Щёлк. Тао Цю закрыл крышку, и пламя погасло.

Только тут трое птенцов на столе очнулись и затараторили, спрашивая, что это такое.

Они впервые в жизни видели огонь.

Тао Цю вертел зажигалку в руках, и его глаза сияли ярче пламени.

Он не знал, была ли зажигалка там изначально или мужчина положил её вместе с остальными вещами. Но это было неважно. Важно было то, что он был очень доволен этим подарком.

— Это называется зажигалка, — сказал он птенцам, ожидавшим ответа. — Она нужна, чтобы разводить огонь. Сейчас покажу.

Он подошёл к гнезду, взял несколько сухих травинок, скомкал их и, вернувшись к столу, положил комок и зажигалку перед птенцами.

Он снова откинул крышку и чиркнул колёсиком.

Пламя коснулось травы. Появился дымок, и трава загорелась, излучая жар.

Птенцы инстинктивно отпрянули. Тао Цю переложил горящую траву на камень.

Через мгновение от неё остался лишь пепел. Птенцы, не отрываясь, следили за этим процессом, их круглые глазки расширились от удивления.

— Цю-цю... — пролепетала Эрбао.

«Травы больше нет...»

Это была очевидная констатация факта, но она точно передавала их состояние. Они были настолько поражены, что не могли подобрать слов.

— Это огонь, — сказал Тао Цю. — Он несёт и надежду, и цивилизацию, но он же может их и уничтожить.

Эта фраза была слишком сложной для птенцов, и он объяснил проще.

— Огнём можно поджечь траву и дрова. Зимой он согреет нас. На нём можно готовить еду, чтобы она была безопаснее. Но если огонь станет слишком большим и выйдет из-под контроля, он принесёт беду.

Тао Цю выдернул одно из своих пуховых пёрышек и поджёг его.

Оно тоже мгновенно сгорело дотла.

— Если я весь загорюсь и не успею потушить огонь, то стану таким же, как эта трава и это пёрышко, — пеплом.

Этот пример был слишком наглядным. Мысль о том, что их папа может превратиться в горстку пепла, заставила птенцов похолодеть от ужаса. Им показалось, что у них остановилось сердце.

— Цю-цю! Цю! — в панике закричала Саньбао.

«Этот огонь опасный! Выброси его!»

— Цю-цю, цю-цю! — испуганно подхватила Эрбао.

«Выброси, выброси, мы не хотим, чтобы папа стал пеплом!»

Дабао тоже напрягся и уставился на зажигалку так, словно она вот-вот взорвётся.

— Успокойтесь. Я описал лишь самый худший вариант. Если правильно пользоваться огнём и соблюдать осторожность, он принесёт нам много пользы.

Тао Цю погладил и поцеловал каждого из них.

Под его лаской птенцы немного успокоились.

Он снова поджёг траву и, когда она догорела до половины, плеснул на неё водой. Пламя мгновенно погасло.

— Видите, вода побеждает огонь. Он не всесилен.

— Цю-цю! — восхищённо прочирикала Эрбао.

«Вода такая сильная!»

Саньбао, подумав, высказала своё сомнение:

«Огонь горячий, и солнце горячее. Когда мы купаемся, солнце высушивает воду на нас. Может, огонь тоже может высушить воду?»

— Какая же ты умная, Юаньюань, — с удивлением сказал Тао Цю. — Ты так глубоко мыслишь. Солнце, говоря простым языком, это очень-очень далёкий огонь. И то, что может солнце, в большинстве случаев может и огонь.

— Цю-цю, — подытожил Дабао.

«Кто сильнее, зависит от того, кого больше — огня или воды».

— В большинстве случаев так и есть, — согласился Тао Цю.

— Цю-цю-цю, цю-цю? — снова включилась в разговор Эрбао.

«Папа, ты сказал, что на огне можно готовить. А как?»

— Сюэсюэ задала отличный вопрос, — сказал Тао Цю, с улыбкой вертя зажигалку в руках. — Способов приготовить еду на огне много. То вяленое мясо, что вы ели, сначала сушили, а потом готовили на пару. Сейчас я покажу вам несколько способов, которые доступны нам в наших условиях.

При упоминании о новой еде у птенцов потекли слюнки.

Кто может устоять перед вкусной едой? Уж точно не маленькие птички.

— Я пойду подготовлю всё необходимое, а вы ждите меня здесь.

С этими словами Тао Цю снял одежду, аккуратно сложил её в рюкзак и, вылетев из пещеры, направился в ближайший лес.

Птенцы проводили его до самого выхода и, усевшись в ряд, стали с нетерпением смотреть ему вслед, ожидая его скорейшего возвращения.

Когда Лоу Юй и его команда вернулись на базу, уже почти стемнело.

Пройдя проверку на входе, они не поехали домой, а сразу же отправились в исследовательский институт, чтобы сдать собранные образцы.

Хотя на базе не было мутировавших монстров, а были только люди, в отсутствие внешней угрозы самым опасным зверем становился сам человек.

Сдав образцы и убедившись, что всё в порядке, команда отправилась ужинать в небольшой ресторанчик недалеко от дома.

Чтобы вознаградить свои измученные походной едой желудки, они заказали много блюд и ели до тех пор, пока животы не надулись.

Вернувшись домой и немного отдохнув, Лоу Юй сел писать отчёт. Он подробно описал ход выполнения задания, места, которые они посетили, и информацию о зоне миссии.

Например, изменилось ли количество мутантов в определённой местности, выжили ли старые, стали ли они сильнее или слабее, появились ли новые доминирующие виды.

Конечно, часть, где они искали Снежную птицу, он опустил.

Отчёт не был обязательным, но Лоу Юй был наполовину военным. Армия занималась разведкой новых территорий за пределами базы, составляла руководства для выходящих на задания и регулярно проводила повторные проверки.

Лоу Юй просто делал всё возможное, чтобы внести свой вклад в общее дело.

Этой работой он часто занимался на Центральной базе, и у него в голове был свой шаблон, так что отчёт был написан быстро.

Отложив ручку, Лоу Юй встал и, разминая запястье, пошёл на кухню за водой.

Проходя через гостиную, он увидел, что Чэнь Линь и остальные трое сбились в кучку и о чём-то шепчутся.

Когда он подошёл, они тут же замолчали.

Теперь Лоу Юй знал, кого они обсуждали.

— О чём болтаете? — с улыбкой спросил он.

— Да так, ни о чём, — фальшиво улыбнулась Хо Лань. — Просто говорим, что устали в этот раз, завтра надо выспаться, а Чэнь Линю приготовить нам что-нибудь вкусненькое для восстановления сил.

— Правда? — Лоу Юй приподнял бровь.

Четверо дружно закивали.

Лоу Юй примерно догадывался, о чём они на самом деле говорили, но, видя, что они не хотят признаваться, не стал настаивать и прошёл на кухню.

Как только он скрылся из виду, четвёрка снова сбилась в кучу, атмосфера сплетен сгустилась.

— Я тут с Чэнь Линем сверяла припасы, — приподняв бровь, сказала Хо Лань. — Тех вещей, что не хватает, как раз хватило бы на подарки Снежной птице от капитана.

— Очень странно, не находите? — серьёзно сказал Чэнь Линь. — Вяленое мясо, сахар, соль — это ещё понятно, это еда. Но книга, зажигалка, аптечка и даже одежда — зачем это всё Снежной птице?

— Я ещё в машине хотел спросить, — сказал Лю Циань. — Но подумал, что капитан всё равно отшутится, да и от страха ещё не отошёл, вот и промолчал.

— Капитан специально пошёл писать отчёт, а сверку припасов оставил нам, — задумчиво произнёс Джон. — Значит, он не боится, что мы узнаем, и не боится, что мы спросим.

— Он точно не скажет правду, — уверенно заявила Хо Лань. — Но я верю, что капитан делает это не просто так. У него есть свои причины, и нам это не навредит. Так что давайте сделаем вид, что ничего не знаем, и никому не проболтаемся.

— Естественно, — кивнул Джон. — Капитан столько для нас сделал, сохранить его секрет — наш долг.

— Даже если капитан сошёл с ума, я за него, — сказал Лю Циань.

— Я всё же склоняюсь к тому, что у капитана есть какой-то план, — потирая подбородок, сказал Чэнь Линь. — Вам не кажется, что интеллект Снежной птицы слишком высок?

— Ты думаешь, капитан проверяет Снежную птицу? — нахмурилась Хо Лань.

— Возможно, — задумался Джон.

Лю Циань слушал их анализ, моргал своими большими глазами, чесал в затылке и вдруг его осенило.

— Что-то вы всё усложняете. А может, всё просто? Капитану просто показалось, что это хорошие вещи, вот он и подарил их Снежной птице.

Троица посмотрела на него, хотела что-то сказать, но передумала.

— В принципе, можно и так считать, — с улыбкой сказала Хо Лань.

— ... — Лю Циань понял всё без слов.

«Не думайте, что я не понял. Вы просто считаете меня тупым и не хотите мне ничего объяснять!»

Троица сделала вид, что не заметила его обиженного взгляда, и одновременно отвернулась.

Какая тёмная сегодня ночь, ха-ха.

На кухне Лоу Юй допил воду. Опустив голову, он увидел свой рукав и тут же вспомнил ту куртку, что подарил Снежной птице.

Лоу Юй признался себе, что, когда Снежная птица развернулась и улетела, у него внутри всё оборвалось.

Он понял, что его значение в жизни Снежной птицы уменьшается, и не мог с этим смириться.

Он думал, что ему будет достаточно одних лишь прекрасных воспоминаний о той ночи. Главное, чтобы Снежная птица была в безопасности, а его самого в её жизни может и не быть.

Но когда дошло до дела, Лоу Юй понял, что всё это время он просто обманывал себя.

Он не мог и не хотел терять Снежную птицу.

И он не мог вынести мысли, что однажды Снежная птица забудет его и станет к нему равнодушна.

<http://bllate.org/book/15883/1587320>